

УДК 327

Лукин А.Л.

Теория комплексов региональной безопасности и Восточная Азия

The Regional Security Complex Theory and East Asia

В статье рассматриваются основные положения теории комплексов региональной безопасности Б. Бузана и О. Вэвера. Основной акцент сделан на рассмотрении этой теории применительно к Восточной Азии. Высоко оценивая методологический потенциал теории Бузана-Вэвера, автор статьи предлагает дополнить ее некоторыми коррективами и модификациями.

Ключевые слова: теория комплексов региональной безопасности, Азия, Восточная Азия, Северо-Восточная Азия, Юго-Восточная Азия, Китай, Россия, США

The article reviews the regional security complex theory developed by Barry Buzan and Ole Waever. The focus is on applying this theory to East Asia. Giving high assessment of the methodological potential of Buzan's and Waever's theory, the author proposes some correctives and modifications to it.

Key words: regional security complex theory, Asia, East Asia, Northeast Asia, Southeast Asia, China, Russia, the United States

1. Основные положения теории комплексов региональной безопасности

Сопряжение глобального и регионального уровней международной политики всегда было одним из камней преткновения в теории международных отношений. Большинство ученых концентрируется либо на глобальных мирополитических процессах, тем самым игнорируя региональную специфику, либо поглощены конкретным регионом, что зачастую ведет к недооценке общемирового системного контекста. Мало кому из исследователей удавалось создать целостную картину, в которой одновременно и глобальный, и региональный аспекты получили бы адекватное внимание.

На сегодняшний день наиболее эффективной и разработанной методологией анализа регионального измерения международной политики является теория комплексов региональной безопасности (ТКРБ). Ее авторы – британец Барри Бузан (*Barry Buzan*) и датчанин Оле Вэвер

(*Ole Waever*), основатели Копенгагенской школы международных отношений. В наиболее полном и завершенном виде они изложили ТКРБ в своей книге «*Регионы и державы: структура международной безопасности*» [3]¹. Хотя теория посвящена прежде всего проблемам безопасности, ее можно рассматривать и как инструмент анализа международной политики в целом. Это обусловлено тем, что именно проблемы безопасности образуют ядро международной политики.

Центральное место в теории Бузана-Вэвера занимает категория «секьюритизации». Это «дискурсивный процесс, в результате которого в политическом сообществе конструируется интересубъективное восприятие какого-либо процесса или субъекта в качестве экзистенциальной угрозы высокозначимому референтному объекту и признается необходимость неотложных и исключительных мер для отражения этой угрозы» [3, с. 491]². В современном мире в качестве подлежащих защите референтных объектов секьюритизации в большинстве случаев выступают государства-нации. Однако в качестве таковых могут выступать и другие объекты (права человека, окружающая среда, религия и т.д.).

Таким образом, угрозы безопасности не даны априори и объективно, «сами по себе». Они конструируются социальными субъектами в ходе политического процесса секьюритизации [3, с. 71]. Секьюритизацию в то же время не следует понимать как абсолютно произвольный и спонтанный процесс. На нее влияет ряд объективных и материальных условий. Способность секьюритизировать (то есть представить в виде угрозы) соседнюю страну зависит от продолжительности и интенсивности исторической вражды между двумя государствами, соотношения сил между ними и т.д.

Индикаторами интенсивности процессов секьюритизации могут выступать вооруженные конфликты, гонки вооружений, этнические чистки и другие чрезвычайные меры. Все регионы мира можно разделить на две основные группы – те, где доминируют военно-политические проблемы безопасности (Восточная и Южная Азия, Ближний Восток, в значительной степени постсоветское пространство), и те, в которых преобладают другие секторы безопасности (Северная и Южная Америка, Европа).

Главная идея ТКРБ состоит в том, что, несмотря на глобализацию большинство угроз безопасности в международных отношениях по-прежнему имеет территориальный характер и их степень напрямую зависит от географического расстояния. Бузан и Вэвер подчеркивают, что «ТКРБ – это теория безопасности, в которой географические факторы занимают центральное место» [3, с. 70]. Большинство государств испытывают озабоченность главным образом в связи с потенциалом и намерениями своих соседей. В силу этого отношения взаимозависимости в области безопасности обычно концентрируются в региональных кластерах – «комплексах безопасности». Бузан и Вэвер определяют региональный комплекс безопасности (РКБ) как «совокупность акторов, процессы секьюритизации и десекуритизации которых настолько взаимосвязаны, что проблемы безопасности этих акторов нельзя анализировать или решить отдельно друг от друга» [3, с. 44].

ТКРБ широко использует и конструктивистские, и реалистские под-

¹ Сами авторы утверждают, что их теория, возможно, является единственной существующей общей теорией региональной безопасности [1, с. 83].

² Секьюритизации противоположен процесс десекуритизации, в результате которого что-либо (кто-либо) перестает восприниматься в качестве экзистенциальной угрозы, либо степень этой угрозы понижается. Как правило, процесс десекуритизации носит непрямой характер, когда переключение внимания на другие проблемы уменьшает относительную значимость ранее секьюритизированного вопроса.

ходы. Конструктивистский компонент ТКРБ заключается в том, что она опирается на теорию секьюритизации, то есть на анализе общественно-политических процессов, посредством которых те или иные проблемы получают статус вопросов безопасности. Выраженная геополитическая составляющая, акцент на территориальность основных международных акторов (государств) и полярность в распределении сил между ними сближают ее с реализмом. Однако, в отличие от наиболее влиятельного направления современной реалистской парадигмы – неореализма, в котором основное внимание уделяется уровню глобальной системы, – ТКРБ делает упор на региональном измерении международной политики. Бузан и Вэвер критикуют неореализм за то, что он увел реалистскую теорию международных отношений «от геополитической и исторической конкретности в сторону абстрактной «системной» теории, которая оперирует «актерами», определяемыми как подобные и нелокализованные» [3, с. 69]. Тем самым, по их мнению, игнорируется базовая аксиома международной политика, состоящая в том, что государства по своей природе территориальны и немобильны.

Бузан и Вэвер подчеркивают, что региональные комплексы безопасности начинают формироваться только после 1500 года, то есть тогда, когда возникает глобальная система мировой политики. До этого рубежа динамика в сфере безопасности разворачивалась в рамках многочисленных и практически отдельных друг от друга локальных систем. Поскольку глобального общесистемного уровня еще не существовало, то эти отдельные системы еще не были региональными подсистемами, а по сути были самостоятельными «мирами».

С появлением глобальной системы входящие в нее РКБ прошли в своем развитии три этапа: 1) эпоха модерна – с 1500 по 1945 гг.; 2) холодная война и деколонизация – с 1945 по 1989 гг.; и 3) период после завершения холодной войны – с 1990 г. и длящийся по настоящее время. За эти пять веков, помимо возникновения глобальной международной системы, появилось и распространилось в качестве доминирующей политической формы суверенное территориальное государство европейского образца. При этом несколько наиболее могущественных государств ведут по-настоящему глобальную игру, проецируя свою мощь даже в отдаленные регионы. Но для подавляющего большинства государств международная политика безопасности ограничена кругом близких соседей, то есть региональным измерением.

После завершения холодной войны значение регионального уровня безопасности в международной политике заметно повысилось. Относительная автономия современных региональных комплексов безопасности радикально отличается от ригидной структуры биполярности сверхдержав времен холодной войны. Кроме того, окончание холодной войны ускорило наблюдавшийся уже с 1970-х годов процесс трансформации повестки безопасности в направлении повышения значимости невоенных проблем и акторов.

Основными игроками на глобальном уровне международной системы выступают «глобальные державы» – сверхдержавы и великие державы. Они определяют общесистемную структуру полярности мировой политики. Полярность региональных подсистем основывается на «региональных державах». Глобальный и региональный уровень безопасности соединяются посредством механизма «проникновения» (*penetration*) глобальных держав в региональный комплекс. Проникновение обычно заключается в том, что внешняя держава заключает альянсы с государствами, принадлежащими тому или иному комплексу. Логика баланса сил заставляет региональных соперников искать внешних союзников и тем самым региональное соперничество сопрягается с уровнем глобаль-

ной системы. Например, в годы холодной войны Пакистан был связан с США и КНР, а Индия поддерживала альянс с СССР.

Бузан и Вэвер считают, что в настоящее время существует девять в полной мере оформившихся региональных комплексов безопасности: 1) Восточноазиатский; 2) Южноазиатский; 3) Ближневосточный; 4) Южноафриканский; 5) Центральноеафриканский; 6) Североамериканский; 7) Южноамериканский; 8) Европейский; 9) Постсоветский. Кроме того, в Африке существуют предпосылки для формирования еще двух потенциальных комплексов – Западноафриканского и Африканского Рога.

Комплексы являются взаимоисключающими, то есть их границы не могут пересекаться и налагаться друг на друга. Одна страна не может быть участником сразу двух или более комплексов. Есть государства, которые, располагаясь на стыке между комплексами, не принадлежат ни одному из них. Бузан и Вэвер называют их «инсуляторами» (*insulators*). Например, Мьянма выступает в качестве инсультора между Южноазиатским и Восточноазиатским комплексами¹.

Комплексы региональной безопасности являются, как правило, весьма устойчивыми образованиями, однако для них не исключена возможность трансформаций. *Внутренние* трансформации происходят, например, в случае изменения характеристик полярности, враждебности/дружелюбия или в результате региональной интеграции. Внешние трансформации имеют место тогда, когда меняются – расширяются или сжимаются – границы комплексов, что ведет к изменению состава их участников. Именно это произошло, например, в 1990-е годы с Северо-Восточной и Юго-Восточной Азией, которые потеряли статус самостоятельных комплексов, слившись в единый Восточноазиатский комплекс.

Бузан и Вэвер формулируют также понятия «подкомплекса» и «суперкомплекса». Подкомплекс – это, по сути, подсистема в рамках комплекса региональной безопасности (например, Ближневосточный комплекс образован тремя подкомплексами – Левантом, странами Персидского залива и Магрибом). Суперкомплекс обозначает ситуацию, когда благодаря наличию одной или нескольких глобальных держав два или более комплекса демонстрируют сравнительно сильную и устойчивую межрегиональную динамику взаимодействия (например, Азиатский суперкомплекс, в котором Южная и Восточная Азия стягиваются воедино в силу китайского фактора).

Для классификации региональных комплексов безопасности Бузан и Вэвер используют категории «конфликтное образование» (*conflict formation*), «режим безопасности» (*security regime*) и «сообщество безопасности» (*security community*).

Конфликтное образование обозначает региональный комплекс, в котором войны и применение насилия в политических отношениях имеют существенную степень вероятности (например, Южная Азия, Ближний Восток). *Режим безопасности* – это комплекс, в котором угрозы войн и насилия все еще присутствуют, но значительно ограничиваются наличием общих норм и правил поведения (Южная Америка). *Сообщество безопасности* характеризует ситуацию, при которой акторы исключают возможность применения насилия в политических отношениях между собой (Европа, Северная Америка).

¹ Согласно теории Бузана – Вэвера, инсульторы следует отличать от «буферов». Буфер – это государство, расположенное внутри комплекса региональной безопасности и разделяющее соперничающие державы, принадлежащие этому же комплексу.

2. Комплексы региональной безопасности в Азии

2.1. Азиатский суперкомплекс

По мнению Бузана и Вэвера, Азия (под которой они понимают Южную и Восточную Азию) служит образцом традиционной военно-политической динамики в сфере безопасности. Азия выделяется тем, что в ней находятся две великие державы (Китай и Япония), а также Индия, которая вскоре может подняться до великодержавного уровня. Такое плотное соседство великих и региональных держав может быть сравнимо только с Европой. Причем наиболее уместно проводить параллели не с современной Европой, а с Европой девятнадцатого века, эпохи баланса сил.

Японию можно уподобить тогдашней Британии – самому развитому и богатому государству, отделенному своим островным положением от нестабильного континента. Китай, подобно Германии, представляет собой крупную, находящуюся в центре континента страну, которая демонстрирует быстрый рост мощи, имеет проблемы в отношениях с рядом своих соседей, характеризуется авторитарной политической системой и высокой степенью национализма. Как и в Европе девятнадцатого века, национализм в современной Азии очень силен, а либеральная демократия укоренилась лишь в небольшом числе стран. Бурная индустриализация означает, что уровни абсолютной и относительной мощи очень подвижны.

Однако, подчеркивают Бузан и Вэвер, у этой аналогии есть существенные ограничения. В отличие от Азии Европа не испытала травм колонизации и деколонизации. В Азии нет чего-либо похожего на европейский концерт держав, но в то же время она является частью глобального международного общества, созданного преимущественно Западом. В отличие от Европы девятнадцатого века нынешняя Азия существует в условиях ядерного сдерживания, поскольку четыре азиатские державы (Китай, Индия, Пакистан, Северная Корея) имеют ядерное оружие, а еще три государства (Япония, Южная Корея и Тайвань) практикуют «скрытое сдерживание» (*recessed deterrence*), то есть обладают способностью быстро приобрести ядерный статус, если стратегическая ситуация станет более угрожающей. Кроме того, в дела старой Европы, в отличие от сегодняшней Азии, не вмешивалась внешняя сверхдержава, у которой есть военно-политические обязательства по защите ряда азиатских стран и которая в целом выполняет функцию внешнего балансира. Следует учитывать и господствующий «дух времени»: либеральный *Zeitgeist* конца двадцатого – начала двадцать первого века весьма отличен от империалистической идеологии конца девятнадцатого века.

Поэтому, заключают Бузан и Вэвер, Азия отнюдь не обречена на повторение катастрофических европейских войн 1914-45 годов. Но имеющих черт сходства достаточно, чтобы предположить с высокой долей вероятности, что в течение нескольких следующих десятилетий в Азии будет господствовать классическая силовая политика, а использование военной силы будет рассматриваться как постоянно наличествующая возможность. Экономическое развитие является приоритетом не только с целью повышения благосостояния обществ, но и для усиления военной мощи.

Важно, что все азиатские государства являются постколониальными образованиями. Исключение составляют Япония, Китай и Таиланд, но даже они подверглись сильнейшему воздействию со стороны западного империализма. Однако в отличие от Африки и Западного полушария, где доколониальная история осталась в прошлом, в Азии она оказывает значительное влияние и после завершения колониализма. До вхожде-

ния в европоцентричную глобальную систему Азия имела свою собственную динамику безопасности. Так, для Восточной Азии главное значение имели циклы усиления-ослабления китайской империи.

Первый азиатский региональный комплекс безопасности возник в Северо-Восточной Азии в конце девятнадцатого века, а после Второй Мировой войны появились еще два комплекса – в Юго-Восточной и Южной Азии. Наличие великих держав приводит к тому, что, во-первых, межрегиональный уровень взаимодействия в Азии выражен значительно сильнее, и, во-вторых, региональная динамика Азии гораздо теснее связана с глобальным уровнем, чем это характерно для большинства других регионов. В силу тесной привязанности к глобальному уровню Азия, особенно Восточная Азия, выступала вторым после Европы по значимости полем соперничества сверхдержав во время холодной войны. Поэтому окончание биполярного противостояния имело очень важные последствия для Азии.

Разделение Азии на три региональных комплекса явилось результатом протяженной географии и низкой способности взаимодействия. Но с ростом абсолютной мощи азиатских государств и их способности к взаимодействию влияние географии ослабевает. В результате наблюдается тенденция неуклонного стягивания воедино трех комплексов, особенно Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии и, в меньшей мере, между ними и Южной Азией.

После образования КНР Китай становится все более влиятельным не только в своем регионе – Северо-Восточной Азии, но и в Юго-Восточной и Южной Азии. Порожденная им межрегиональная динамика привела к формированию Азиатского суперкомплекса, где Китай является центром, хотя связи между Южной и Юго-Восточной Азией пока довольно слабы. Окончание холодной войны, повлекшее за собой значительное сокращение проникновения сверхдержав в Азию, привело к заметному повышению относительной мощи Китая и тем самым еще больше усилило процесс оформления Азиатского суперкомплекса. В 1990-е годы Юго-Восточная Азия превратилась из конфликтного образования в режим безопасности, а также претерпела внешнюю трансформацию, в результате чего она слилась с Северо-Восточной Азией, образовав единый Восточноазиатский комплекс¹. Южная Азия сохраняет свой статус самостоятельного комплекса, но по-прежнему привязана к Азиатскому суперкомплексу с Китаем в качестве центра². При этом в Южной Азии, благодаря длительной деградации Пакистана и усилению Индии, наблюдается явная тенденция движения от региональной биполярности к однополярности.

Поскольку Китай, Япония и (потенциально) Индия являются глобальными державами, региональные процессы в Азии не только влияют на судьбы народов и государств континента, но и определяют контекст в рамках которого азиатские великие державы играют свою глобальную роль. Путь дальнейшей эволюции Азиатского суперкомплекса – сохранится ли он в качестве преимущественно конфликтного образования или же приобретет свойства режима безопасности – окажет огромное значение на способность Китая претендовать на статус сверхдержавы.

¹ По Бузану – Вэверу, нынешний Восточноазиатский комплекс состоит из подкомплекса СВА и подкомплекса ЮВА. В подкомплекс СВА входят КНР, Тайвань, Япония, Северная и Южная Корея. Монголия выполняет функции инсультатора, отделяя Восточную Азию от постсоветского пространства. Подкомплекс ЮВА охватывает 9 государств АСЕАН (кроме Мьянмы), Папуа – Новую Гвинею, Восточный Тимор, а также Австралию, которая присоединилась к Восточноазиатскому комплексу в 1990-е годы.

² Южноазиатский комплекс включает в себя Индию, Пакистан, Шри-Ланку, Бангладеш, Бутан и Мальдивские острова. Мьянма и Непал выступают в качестве инсультаторов между Восточноазиатским и Южноазиатским комплексами.

2.2. Восточноазиатский комплекс

Восточноазиатский комплекс, по характеристике Бузана и Вэвера, то появлялся, то исчезал на протяжении истории. Во время Второй Мировой войны и непосредственно перед ней имперские амбиции Японии объединили ЮВА и СВА в единое образование. Еще раньше циклы консолидации китайской мощи периодически сводили два этих региона в одно политическое пространство безопасности. Однако до имперского возвышения Японии и в периоды ослабления Китая СВА и ЮВА существовали отдельно друг от друга.

Во время холодной войны СВА подвергалась сильному воздействию глобального уровня безопасности, но все же сохранила собственную автономную динамику. Оправившись после Второй Мировой войны, Китай и Япония вновь начали играть роль великих держав. Сначала Китай с энтузиазмом воспринял эту роль, а затем и Япония – хотя она приобрела великодержавный статус скорее не в результате собственного стремления, а как следствие реакции других на ее экономической рост.

В ЮВА проникновение глобальных держав было еще более сильным, хотя автономная динамика и здесь полностью не исчезла. Холодная война повлияла на региональную биполяризацию, где вплоть до конца 1980-х годов страны Индокитая во главе с Вьетнамом противостояли странам АСЕАН. Межрегиональные связи между двумя региональными комплексами Восточной Азии сохранялись благодаря вмешательству Китая в дела ЮВА.

В отличие от Южной Азии, на которую окончание холодной войны не оказало заметного влияния, для безопасности Восточной Азии это событие имело большое значение. Военно-стратегическая конфронтация холодной войны ушла в прошлое, но быстро увеличился относительный вес Китая, что в свою очередь побудило государство региона мыслить свою безопасность уже в масштабах Восточной Азии в целом. В первую очередь эти изменения коснулись стран АСЕАН, которые начали воспринимать себя как часть более обширной стратегической картины, не ограничивающейся лишь ЮВА.

С 1980-х в экономическом измерении, а с 1990-х годов уже в военно-политическом, государства СВА и ЮВА начали сливаться в единый РКБ. По мнению Бузана и Вэвера, водоразделом можно считать 1994-95 годы, когда был сформирован Асеановский региональный форум безопасности (АРФ), объединивший почти всех значимых акторов в Восточной Азии, а Вьетнам присоединился к АСЕАН. Помимо классической военно-политической динамики, обусловленной общей озабоченностью ростом могущества Китая, формирование единого комплекса стимулировала нарастающая экономическая интеграция, основанная на модели стаи летящих гусей во главе с Японией, а затем и на «большой китайской экономике» (сеть транснациональных экономических связей, контролируемая китайскими общинами). Так же как и в Европе, система американских альянсов в регионе сохранилась, но в Восточной Азии роль США как рефери и балансира (*ring-holder*) остается гораздо более выраженной, чем на противоположной оконечности Евразии.

Подобно Ближнему Востоку, состоящему из двух основных подкомплексов – Леванта и Персидского залива, Восточная Азия сохраняет два подкомплекса – СВА и ЮВА. В отличие от ЮВА, где после ухода СССР и значительного сокращения американского военного присутствия произошел переход от конфликтной биполярности к режиму безопасности, в СВА ситуация изменилась не столь заметно. Динамика региональной безопасности здесь по-прежнему вращается вокруг трех проблем: непротые отношения Японии с соседями, напряженность в Тайваньском про-

ливе и ситуация между двумя Кореями.

Бузан и Вэвер отвергают взгляд, состоящий в том, что международные отношения в Восточной Азии имеют уникальную природу и к ним неприменимы общие теории международной политики¹. Они настаивают на том, что Восточная Азия вполне поддается анализу в терминах секьюритизации, реалистской политики и теории комплексов безопасности [3, с. 170]. Исходя из этого, Бузан и Вэвер рассматривают возможные сценарии для Восточной Азии и Азиатского суперкомплекса в целом.

По их оценке, в обозримой перспективе ни одно государство не будет в состоянии достигнуть доминирования в регионе. Даже если Китай попытается воскресить систему регионального сюзеренитета, у него не хватит для этого ни материальных ресурсов, ни культурно-цивилизационной привлекательности, которой он некогда обладал. Подобно Европе в прошлом, в Азии сейчас слишком много сильных держав, чтобы одна из них могла подчинить себе все остальные. Существующая структура биполярности в Восточной Азии выглядит довольно устойчивой, так как ни одно другое государство региона не сопоставимо с Китаем и Японией по своей мощи. Азиатский суперкомплекс является триполярным (третий полюс – Индия) и это тоже вряд ли изменится.

Южная Азия остается конфликтным образованием и ничто не указывает на то, чтобы она двигалась в направлении режима безопасности или сообщества безопасности. В Восточной Азии картина более нюансированная. ЮВА трансформировалась из конфликтного образования в режим безопасности, тогда как СВА пока остается конфликтным образованием. Шансы на то, что либо Восточная Азия, либо вся Азия смогут превратиться в сообщество безопасности, весьма невелики. Поэтому остаются два сценария: Восточная Азия может развернуться в конфликтное образование классического типа, либо перейти в режим безопасности. Каждый из этих сценариев скорее всего укрепит связи между динамиками безопасности Южной и Восточной Азии и тем самым расширит процесс внешней трансформации, который начался со слияния СВА и ЮВА. «Какой путь изберет Восточная Азия, – предрекают Бузан и Вэвер, – таким же путем пойдет и Азиатский суперкомплекс» [3, с. 174].

Учитывая конфликтогенный потенциал Восточноазиатского комплекса, его эволюция в сторону конфликтного образования выглядит весьма возможной. Ключевым фактором здесь будет позиция Китая и США. Если Китай продолжит усиливать свою мощь и начнет вести себе агрессивно и если США сократят свое стратегическое присутствие в регионе, то конфликтное образование становится наиболее вероятным исходом. Более напористый Китай может также привести к активной вовлеченности Индии в Восточноазиатский комплекс в качестве элемента антигегемонистской коалиции, направленной против Пекина, а также спровоцировать нуклеаризацию Тайваня, Южной Кореи и Японии. Однако маловероятно, чтобы восточноазиатское конфликтное образование привело к крупномасштабной войне между великими державами – не только благодаря сдерживающему эффекту ядерных вооружений, но и из-за страха экономического ущерба. В то же время при этом сценарии велик риск более локализованных столкновений – на Корейском полуострове, в Тайваньском проливе и Южно-Китайском море.

Второй сценарий – режим безопасности – отнюдь не означает, что отношения между актерами гармоничны и бесконфликтны. Конфликты

¹ Об уникальном характере международных отношений в Восточной Азии см.: James L. Richardson. *The Asia-Pacific: Geopolitical Cauldron or Regional Community* //National Interest. 1994. Vol. 38 (Winter). P. 2-13; Kishore Manbubani. *The Pacific Impulse* //Survival. 1995. Vol. 37, No1. Pp. 105-120; David C. Kang. *China Rising: Peace, Power and Order in East Asia*. New York: Columbia University Press, 2007.

существуют, но акторы готовы сотрудничать для их урегулирования. Для этого необходимо наличие таких условий, как согласие великих держав поддерживать статус-кво, желание избегать войны, а также взаимное ожидание того, что в случае возникновения споров их участники будут вести себя сдержанно [4, с. 360-362]. Несмотря на непростое историческое наследие, вполне возможно представить, что Восточная Азия трансформируется в этом направлении. Ключевые условия для реализации данного сценария таковы: 1) Китаю либо не удастся вырасти до уровня доминирующей в регионе державы, либо он эволюционирует в великую державу, которая воспринимается соседями относительно доброжелательно. 2) США сохраняют свое значительное вовлечение в безопасность региона в качестве внешнего балансира и рефери. Этот сценарий во многом зависит от успеха «десекуритизирующей логики экономического рационализма», а также прогресса в строительстве региональных институтов.

В конечном счете, полагают Бузан и Вэвер, веер реалистичных сценариев для Восточной Азии можно свести к довольно узкому спектру. Восточноазиатский комплекс почти непременно придет либо к более умеренному варианту конфликтного образования, либо к более слабым версиям режима безопасности. Только чрезвычайно агрессивный Китай и радикальная трансформация Японии (оба варианта труднообразимы) могут превратить регион в воющее конфликтное образование, каким была Европа до 1945 года и каковыми до сих пор остаются Южная Азия и Ближний Восток. Так же трудно представить, чтобы Восточная Азия могла стать прочным режимом безопасности, не говоря уже о сообществе безопасности. Движение в этом направлении может стать возможным, только если Китай станет демократическим и либеральным.

Бузан и Вэвер подчеркивают, что ключевое значение для Восточной Азии имеют Китай и США и состояние их отношений. Главный вопрос применительно к Китаю заключается в том, насколько быстро (или медленно) будет возрастать его мощь и в какой степени его поведение будет вызывать страх соседей по региону. Что касается США, все зависит от того, насколько сильно Вашингтон будет вовлечен в дела региона и в какой степени китайско-американское соперничество примет глобальное измерение. В обоих случаях ответы лежат во внутренней политико-экономической динамике развития каждой из этих стран.

3. Оценка теории Бузана – Вэвера и предлагаемые корректировки

Теория комплексов региональной безопасности Бузана и Вэвера несомненно заслуживает очень высокой оценки. Как нам представляется, ей в целом удалось решить крайне непростую задачу сопряжения глобального и регионального уровней международной политики. Сильной стороной теории является и то, что она носит межпарадигмальный характер. Авторы задействовали все основные направления современной международно-политической науки – реализм, конструктивизм, либерализм и даже отдельные концепции неомарксизма. При этом у них получилась довольно цельная и стройная теоретическая конструкция.

В то же время некоторые положения и концепты теории Бузана – Вэвера нуждаются, на наш взгляд, в уточнениях и корректировках. Так, несколько искусственным выглядит понятие «инсулятора», то есть государства, отделяющего друг от друга два региональных комплекса, но которое само не принадлежит ни одному из регионов. Даже сами авторы теории признают, что это понятие у них «недостаточно проработано» [3, с. 483].

Еще более серьезные сомнения вызывает тезис Бузана и Вэвера о том, что границы регионов не пересекаются и что актор может принадлежать *только одному* региону. Бесспорно, что в подавляющем большинстве случаев это так и есть – государства являются «резидентами» лишь в одном региональном комплексе. Но, по нашему мнению, из этого правила могут быть и исключения. Некоторые государства в силу своей геополитической природы могут быть участниками в двух или более регионах. В первую очередь, таким исключением является Россия. Согласно Бузану и Вэверу, Россия имеет собственный регион (постсоветское пространство), который вместе с регионом ЕС-Европа образует слабо связанный суперкомплекс. По отношению же к Восточной Азии, Россия выступает внешней державой. На наш взгляд, некорректно отказывать России в праве на членство в Восточноазиатском комплексе. Тем самым Бузан и Вэвер по существу отказываются от краеугольного принципа своей теории, то есть примата территориальности.

Наличие у России территорий, расположенных на восточной оконечности Евразии и непосредственно соприкасающихся с азиатскими странами уже само по себе делают ее восточноазиатским актором. Кроме того, Россия не просто пассивно присутствует в Восточноазиатском регионе – она вовлечена в процессы секьюритизации со своими соседями, что выражается, например, в стратегически неоднозначных отношениях с Китаем, наличии территориального спора с Японией, участии России в Шестисторонних переговорах и т.д. Можно также вспомнить, что Россия, утвердившись в конце девятнадцатого века на берегах Тихого океана, сыграла одну из ключевых ролей в создании регионального комплекса (в настоящее время – субкомплекса) Северо-Восточной Азии, то есть ее членство в этом регионе имеет исторические корни.

Компромисс между принципом территориальности и принципом эксклюзивности регионов может быть, как нам кажется, найден путем различения двух видов членства в региональном комплексе – *первичного* и *вторичного*. Почти всегда государства будут только первичными акторами, поскольку «имеют прописку» лишь в одном регионе. Однако некоторые страны, либо такого трансконтинентального размера как Россия, либо находящиеся на стыке регионов как Турция, могут быть «резидентами» в более чем одном регионе. Регион, который имеет для актора наиболее важное значение и где расположен его основной экономико-демографический потенциал, будет для него первичным. Соответственно, членство в остальных регионах может считаться вторичным. Таким образом, Россия будет первичным актором в регионе постсоветского пространства (а также в рамках европейско-постсоветского суперкомплекса). В Восточной же Азии она будет находиться на правах вторичного актора, поскольку ее приоритетность для России сравнительно ниже. Отказ от тезиса о безусловной эксклюзивности региональных комплексов не уменьшит аналитический потенциал теории Бузана – Вэвера, но зато позволит устранить некоторые явные несообразности в ней.

Следует заметить, что Россия не является единственным вторичным актором в Восточной Азии. В определенной мере свойствами вторичного актора в этом регионе обладают и США. Разумеется, географически США не являются частью региона, однако очень близко примыкают к нему благодаря таким территориям, как полуостров Аляска, Алеутские острова и остров Гуам. Это обстоятельство существенно повышает уязвимость США перед угрозами, исходящими из Восточной Азии. Например, ряд экспертов полагают, что уже сейчас Гуам находится в зоне досягаемости ракетно-ядерного удара КНДР [6]. Таким образом, поведение США в Восточной (прежде всего в Северо-Восточной) Азии может объясняться не только логикой глобальной сверхдержавы, но и с точки зрения ее оза-

боченностей в качестве «местной» державы¹. На региональную принадлежность США к Северо-Восточной Азии указывает также российский исследователь Алексей Воскресенский [1, с 24].

Рассматривая состав государств, образующих Восточную Азию, необходимо уточнить и статус Монголии. Бузан и Вэвер относят ее к разряду инсуляторов. Таким образом, Монголия является, по их выражению, «зоной безразличия» между двумя региональными комплексами – постсоветским и восточноазиатским. Возможно, что в 1990-е годы у Монголии действительно преобладали свойства инсулятора. Однако очевидно, что к концу 2000-х годов Монголия стала частью Восточноазиатского комплекса. Главная причина этого – значительное усиление монгольско-китайского взаимодействия и сопутствующий ему рост взаимной секьюритизации. С конца 1990-х годов Китай стал крупнейшим экономическим партнером Монголии. В 2009 г. на КНР приходилось свыше 70% монгольского экспорта и более 60% поступающих в страну зарубежных инвестиций. Такая степень экономической зависимости в сочетании с памятью о том, что еще менее века назад на Монголию распространялся суверенитет Пекина, порождает у монголов интенсивные страхи по отношению к южному соседу [5]. В свою очередь, КНР тоже секьюритизирует Монголию, рассматривая ее как важного поставщика сырьевых ресурсов и как страну, которая может быть превращена в элемент системы «стратегического окружения» Китая.

Еще одно необходимое, на наш взгляд, уточнение касается соотношения двух субкомплексов (СВА и ЮВА), составляющих Восточную Азию. Бузан и Вэвер по существу трактуют их в качестве равновеликих, что кажется не вполне правомерным². Учитывая очевидную разницу в геополитическом весе двух субрегионов, было бы правильнее рассматривать СВА в качестве основного субкомплекса Восточной Азии, а ЮВА – периферийного³.

Заслуживает также внимания вопрос об отношениях Азиатского суперкомплекса и Центральной Азии. Бузан и Вэвер отнесли Центральную Азию к разряду субкомплекса в составе постсоветского пространства. Они отметили растущее, особенно в экономической сфере, влияние Китая в Центральной Азии. По мнению Бузана и Вэвера, в случае ослабления российского влияния в этом субрегионе у Центральной Азии есть перспективы превратиться в самостоятельный региональный комплекс.

На наш взгляд, Центральная Азия продолжает быть частью постсоветского пространства, поскольку Россия пока остается здесь доминирующим игроком. Однако и присутствие Китая заметно усилилось. Как отмечает британский аналитик Бобо Ло, «влияние Китая в этом регионе сильнее, чем когда-либо со времен расцвета династии Цин в XVII-XVIII веках» [2]. Пристальное внимание Китая к соседней Центральной Азии

¹ Одним из признаков вовлеченности США в дела Северо-Восточной Азии на правах именно регионального игрока можно считать членство США в функциональных межправительственных структурах, которые занимаются вопросами экологической и морской безопасности региона, таких как Комиссия по анадромным рыбам в северной части Тихого океана (в нее также входят Россия, Япония, Южная Корея и Канада) и Форум береговых охран северной части Тихого океана (также включает в себя в Китай, Россию, Южную Корею, Японию и Канаду).

² Впрочем, один раз в своей книге Бузан и Вэвер все же обращают внимание на «доминирование Северо-Восточной Азии в Восточноазиатском регионе», которое «символизируется встречами «АСЕАН плюс Три»..., где АСЕАН уже не играет ведущую роль» [3, с. 160].

³ Здесь можно провести некоторую параллель с Ближним Востоком, где в качестве основных субрегионов выступают Левант и район Персидского залива, а Магриб второстепенен, а также с Южной Америкой, где Южной Конус (образуемый, прежде всего, Бразилией и Аргентиной) доминирует в сравнении с Андским Севером.

объясняется не только ее нефтегазовыми богатствами, но и озабоченностью транснациональными угрозами уйгурского сепаратизма и исламского экстремизма. Кроме того, Пекин пытается не допустить сценария, при котором Центральная Азия может быть использована его соперниками (прежде всего США) для создания угроз в тылу КНР. Повышенный интерес к Центральной Азии проявляют также Индия и Япония. Все это позволяет говорить о том, что страны Центральной Азии уже могут в определенной мере рассматриваться как часть Азиатского суперкомплекса, хотя для них членство в этом суперкомплексе пока является вторичным, менее значимым в сравнении с постсоветским, россицентричным регионом.

Лучший критерий валидности теории состоит в том, насколько сбываются ее прогнозы. В этом смысле теория Бузана – Вэвера легко поддается проверке, так как ее авторы значительное место уделили формулированию возможных сценариев развития ситуации как на глобальном, так на региональном уровнях. Поскольку с момента создания теории прошло уже десять лет, можно делать выводы о совпадении (расхождении) реальных процессов и тенденций с предсказаниями авторов.

Безусловно, подтверждается тезис Бузана и Вэвера о сохранении США в качестве единственной сверхдержавы и устойчивом характере региональной структуры мира. Пока нет признаков формирования новых регионов, либо значительной трансформации существующих. Все выделенные Бузаном и Вэвером регионы, так же как основные черты их динамики безопасности, продолжают сохранять актуальность.

Если говорить о Восточной Азии, на наш взгляд, оправдывается прогноз о том, что для этого регионального комплекса есть только два реалистичных сценария – либо усиление соперничества в духе силового балансирования (но не доходящее до большой войны), либо формирование умеренной версии режима безопасности. В полной мере подтверждается и тезис Бузана и Вэвера, что ситуация в регионе будет определяться прежде всего состоянием китайско-американских отношений.

В целом, оправдываются и прогнозы относительно усиления взаимодействия между Восточной и Южной Азией в рамках Азиатского суперкомплекса. Несколько удивлявшая Бузана и Вэвера в конце 1990-х годов низкая степень секьюритизации в отношениях между Индией и Китаем [3, с. 125], сменилась, как и следовало ожидать, существенным ростом взаимного восприятия друг друга в качестве угрозы¹. Именно эта обоюдная секьюритизация служит основным фактором, стягивающим Восточную и Южную Азию во все более плотный суперкомплекс.

Исходя из вышесказанного, Азиатский суперкомплекс сегодня представляют собой довольно сложное многосоставное образование. Его основу составляет Восточная Азия, в которой субкомплекс СВА (куда входит и Россия) играет значительно более важную роль, чем субкомплекс ЮВА. По мере роста индийско-китайского соперничества с Восточной Азией все теснее сопрягается Южная Азия. Наконец, к Азиатскому суперкомплексу постепенно притягивается и Центральная Азия².

¹ О нарастающих китайско-индийских противоречиях см., например: Geoffrey Barker. *Jostling Giants*. <http://inside.org.au/jostling-giants/> (Feb. 4, 2011); Брахма Челлани. Тень Китая над Азией и политика США// Россия в глобальной политике. 2010. № 6.; Emily Wax. As ties between India and China grow, so does mistrust // The Washington Post. Dec. 14, 2009. Tensions grow between India and China as Asia slips into cold war// The Times. Nov. 12, 2009; Indian hegemony continues to harm relations with neighbours// People's Daily Online. October 14, 2009.

² Некоторые исследователи даже полагают, что можно говорить о формировании единого регионального комплекса безопасности в Азии. А. Воскресенский называет его «Большой Восточной Азией», включая в его состав Центральную, Южную, Северо-Восточную и Юго-Восточную Азия [1, с. 26]. Об усилении тенденций к формированию

Подводя итог, следует сказать, что теория комплексов региональной безопасности Б. Бузана и О. Вэвера, с учетом некоторых корректировок, представляет собой мощный методологический инструмент, который помогает анализировать региональные международно-политические процессы и их взаимосвязь с глобальным контекстом.

Литература

1. Воскресенский А.Д. «Большая Восточная Азия»: мировая политика и энергетическая безопасность. М.: ЛЕНАНД, 2006. 128 с.
2. Ло Б. Постоянная перезагрузка Китая // Россия в глобальной политике. 2010. № 5. Электронный ресурс. URL: <http://globalaffairs.ru> [Дата обращения: 24.04.2011 г.]
3. Buzan B., Waeaver O. *Regions and Powers: The Structure of International Security*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 588 p.
4. Jervis R. *Security Regimes // International Organization*. 1982. Vol. 36, No 2. P. 357-378.
5. Li J. *Chinese Investment in Mongolia: An Uneasy Courtship between Goliath and David*. Feb, 2, 2011. Электронный ресурс. URL: <http://www.eastasiaforum.org/2011/02/02/chinese-investment-in-mongolia-an-uneasy-courtship-between-goliath-and-david/> [Дата обращения: 24.04.2011 г.]
6. *North Korea is fully fledged nuclear power, experts agree // The Times*. April 24, 2009. Электронный ресурс. URL: <http://www.timesonline.co.uk/tol/news/world/asia/article6155956.ece> [Дата обращения: 24.04.2011 г.]